

В одно мгновенье видеть вечность,
Огромный мир — в зерне песка,
В единой горсти — бесконечность,
И небо — в чашечке цветка.

Блейк У. Изречения невинности

Глава 1

Добродетель смела, а чистота бесстрашна!

Шекспир У. Мера за меру

Лондон, Англия, 1868 год

Стервятники собирались в вестибюле. В гостиной, столовой и библиотеке наверху уже было полно народу, а на изогнутой лестнице ждали своей очереди новые, одетые в черное хищники. Время от времени двое-трое из них одновременно кивали, с жадностью потягивая шампанское из своих бокалов. Они выжидали, осторожные и полные надежд, а еще мерзкие и отвратительные.

Родственники.

Немало здесь было и друзей графа Хейвенсмаунда, которые пришли выразить поддержку и сострадание по поводу вот-вот ожидаемой трагедии.

Праздник состоится позже.

Присутствующие недолго держали себя с достоинством, подобающим столь скорбному событию: вскоре алкоголь расслабил их, на лицах появились улыбки, тут и там уже слышался откровенный смех, перекрывая звон хрустальных бокалов.

При смерти основательница рода. Были две ложные тревоги за последний год, но многие полагали, что этот — третий — приступ все-таки совершит чудо; ну сколько можно обманывать всеобщие ожидания!

Леди Эстер Степлтон, древняя, по нынешним меркам, старуха: ей уже перевалило за шестьдесят, — всю жизнь только и делала, что копила, копила

и копила, пора бы уж ей отправляться на тот свет, чтобы родственники могли наконец начать тратить. Это куда же годится: у одной из самых богатых женщин Англии единственный здравствующий сын едва ли не нищий. Неправильным считали это и сочувствующие ему кредиторы, о чем и заявляли громко всякий раз, когда граф мог их слышать. Ведь Малкольм все-таки не кто иной, как граф Хейвенсмаунд, и уж ему-то можно позволить тратить сколько пожелает и когда пожелает. Следовало, правда, учесть, что он не только мот, но еще и распутник, причем его предпочтения касаются в основном очень молоденьких девушек, но эти маленькие шалости вовсе не беспокоили ростовщиков — пожалуй, даже наоборот. Конечно, более уважаемые банкиры уже давно отказались давать деньги безнравственному графу, но уличные любители поживиться только рады были ублажить его. Каждый из них ссужал графа деньгами под огромные проценты, если требовалось выплатить очередной его картонный долг, не говоря уже о головокружительных суммах, которые приходилось выкладывать, чтобы заткнуть рот родителям соблазненных и брошенных молодых леди. Долги эти, безусловно, накапливались и составляли уже круглую сумму, но кредиторы терпеливо ждали в надежде совсем скоро получить не только долги, но и огромные проценты.

Ах как им это грело душу!

Томас, молодой помощник захворавшего дворецкого, вытолкнул вон очередного кредитора, а потом с видимым удовольствием захлопнул дверь. Их наивность наводила на него тоску. Он не сомневался, что они и сами все прекрасно понимают, а ходят так, для порядка: вдруг повезет.

Томас жил в доме с двенадцати лет, и сейчас ему казалось, что за все эти годы ничего более позорного не видел. Его любимая хозяйка наверху отчаянно цепляется за жизнь, чтобы продержаться хоть немного: уладить

6 все дела и дождаться любимую внучку Тейлор,

которая должна приехать, чтобы сказать ей последнее «прости». А в это самое время внизу в полном разгаре светский прием, который устроил сын умирающей: сам ведет себя как настоящая скотина, каковой, в сущности, и является, и гости ему под стать. Джейн, его дочь, тут же, не скрывая своей радости: отец обещал ей значительную сумму из своего будущего состояния.

«Вот уж верно: каково семья, таковы и всходы», — подумал Томас. Отец и дочь — яблонька и яблочко что по характеру, что по аппетиту. Томас несколько не переживал, что думает столь нелестно про родственников хозяйки: она думает точно так же. Не раз в разговоре леди Эстер называла Джейн гадюкой. Так это еще мягко сказано: сам Томас называл ее куда хуже. Она никогда не улыбалась, ее голова была полна злобных интриг. Знающие люди говорили, что Джейн — разрушительница: юные леди, которые только выходят в свет, ее побаиваются, и обходят стороной молодые джентльмены.

Однако на сей раз она зашла слишком далеко: посягнула на самое дорогое, что есть у леди Эстер, — попыталась уничтожить леди Тейлор.

— Ну ничего, — буркнул себе под нос Томас, — совсем скоро Джейн и ее распутному папаше придется обнаруживать все свои мерзкие делишки.

Добродушная леди Эстер, слишком озабоченная собственными болезнями и семейными утратами, не замечала, что происходит вокруг. С того дня как старшая сестра Тейлор, Мариан, увезла своих малюток-близнецов в Бостон, леди Эстер начала угасать. Ей становилось все хуже, но не покорились судьбе она лишь потому, как считал Томас, что непременно хотела при жизни увидеть, как малышка Тейлор, которую она воспитала будто собственную дочь, выйдет замуж и устроит свою судьбу.

Свадьба Тейлор была отложена по вине Джейн. Правда, это кошмарное событие имело и положительную сторону: у леди Эстер наконец открылись

глаза. До этого безобразного случая она всегда ко всем проявляла снисходительность, но теперь просто жаждала мести.

Да где же Тейлор, ради всего святого? Томас молил Бога, чтобы она приехала поскорее, чтобы успеть подписать необходимые бумаги и проститься с бабушкой.

Еще несколько минут слуга нервно ходил взад-вперед, терзаясь тревожными мыслями, но затем был вынужден вернуться к своим обязанностям: провожать гостей, бесцеремонно рассевшихся на лестнице, в уже переполненную утреннюю гостиную в задней части дома. Он заранее отнес туда побольше напитков и закусок и, затолкав внутрь последних желающих, закрыл за ними двери и поспешил вернуться в вестибюль.

Шум с улицы заставил Томаса направиться к боковому окну и выглянуть наружу. Он сразу узнал верх черной кареты, которая, покачиваясь, замедляла ход в центре подъездной аллеи, и, облегченно вздохнув, произнес благодарственную молитву. Тейлор наконец приехала.

Томас заглянул в гостиную, убедился, что граф с дочерью все еще развлекают друзей, и поскорее закрыл двери. Если повезет, он сможет провести Тейлор через вестибюль и вверх по лестнице незаметно.

Тейлор тем временем пробиралась через толпу охотников за удачей, которые буквально осадили дом. Открыв ей дверь, Томас с удовольствием отметил, что она полностью игнорирует негодяев, старавшихся привлечь ее внимание. Некоторые из них буквально совали ей в руки свои визитные карточки, представляясь самыми лучшими в Англии советниками в области инвестиций, способными обеспечить ей тройную прибыль с капитала, который она скоро унаследует. И для этого от нее почти ничего не требуется: лишь передать наследство им в управление.

Томасу было так противно смотреть на их ужимки, что хотелось вымести весь этот сброд грязной метлой,
8 но ему пришлось сдержаться и, загородив собой

Тейлор, открыть для нее дверь, гневно глядя через плечо на докучливых приставал.

— Мошенники — вот они кто, все до одного, если хотите знать мое мнение.

Тейлор согласно кивнула:

— Будь твоя воля, ты бы их разогнал, да, Томас?

Слуга улыбнулся:

— Сесил влепил бы мне затрещину, опустишь я до их уровня. Дворецкий должен всегда помнить о чувстве собственного достоинства, миледи.

— На прошлой неделе я отправила Сесилу записку, но еще не получила ответа, поэтому начала волноваться.

— Не переживайте. Сесил хоть и стар, но еще крепок, крижистый как дубленая кожа. Невзирая на свои болезни, он пришел проститься с леди Эстер. Кстати, она уже назначила ему пенсию. Вы знали об этом? Теперь он обеспечен наилучшим образом, леди Тейлор, так что не будет ни в чем нуждаться до конца своих дней.

— Почти тридцать лет он преданно служил этой семье, — напомнила Тейлор. — И хорошая пенсия — самое малое, что для него можно было сделать. А ты, Том, чем собираешься заняться? Не думаю, что дядя Малкольм позволит тебе здесь остаться.

— Ваша бабушка подумала и об этом. Ей хотелось, чтобы я присматривал за ее братом Эндрю. Мне придется переехать в Шотландию, но это не имеет значения: я готов хоть на край света отправиться ради леди Эстер. Она еще одарила меня наделом земли и назначила ежемесячное пособие... Впрочем, вы наверняка в курсе, это ведь ваша идея — вы всегда заботились о Томе, это уж точно, хоть я и постарше вас.

Тейлор улыбнулась. Это и правда была ее идея, но, вне всякого сомнения, бабушка и сама пришла бы к этой мысли, если бы ее не поглотили другие проблемы.

— Неужели, Том? — с улыбкой поддразнила его девушка. — Ну, может, всего на каких-нибудь два года.

— А все же старше, — возразил он без улыбки. — Ну-ка позвольте вашу шаль. Хорошо, что вы в белом — ведь именно так хотелось вашей бабушке. Прелестное платье, и если простите мне мою дерзость, то позволю себе заметить, что сегодня вы выглядите намного лучше, чем в прошлый раз.

Томас тут же пожалел о сказанном: не следовало напоминать ей об обстоятельствах их последней встречи. Разумеется, Тейлор не забыла того, что произошло тогда, однако напоминать ей об этом унижении было не по-джентльменски.

Надо признать, девушка действительно выглядела лучше, чем в тот ужасный день полтора месяца назад, когда леди Эстер позвала ее в гостиную и сообщила новость о ее женихе. Томас тогда стоял в комнате, прижавшись спиной к двери, как часовой, чтобы никто не посмел войти и помешать их разговору. Надо отдать должное Тейлор — не зарыдала и не потеряла самообладания: вела себя как истинная леди. Несмотря на сдержанность, было очевидно, что душевная рана, нанесенная ей, глубока. Рука, когда она поправляла волосы, дрожала, а лицо побелело, как только что выпавший снег. Наконец леди Эстер закончила читать грязное послание, которое получила, и голубые глаза Тейлор, такие ясные и лучистые, сразу стали безжизненными, как и голос, когда она произнесла:

— Спасибо, что сообщили, мадам. Я знаю, вам это было нелегко.

— Думаю, тебе лучше на время уехать из Лондона, Тейлор, пока весь этот шум не уляжется. Дядя Эндрю будет рад тебя видеть.

— Как пожелаете, мадам.

Тейлор извинилась и быстро вышла. У себя в спальне, вместе с прислугой она собрала вещи и меньше чем через час отправилась в бабушкино имение на севере

10 Шотландии.

В отсутствие внучки леди Эстер не теряла времени: собрала своих поверенных и оформила должным образом завещание.

— Ваша бабушка будет счастлива видеть вас, леди Тейлор, — объявил Томас. — С тех пор как получила на днях это загадочное письмо, она пребывает в весьма дурном расположении духа и, я полагаю, рассчитывает, как нужно действовать.

Заметив визитные карточки, которые Тейлор все еще машинально сжимала в руке, он мягко их забрал, выбросил в корзину и пошел вместе с девушкой через вестибюль к лестнице, ведущей наверх.

— Как она, Томас? Ей не стало лучше?

Слуга видел, как ей страшно, и ему очень хотелось солгать, но он не посмел: Тейлор должна знать правду.

— Ей хуже, миледи, и на этот раз никакого облегчения ждать не приходится. Вам надо проститься с ней сейчас. Она больше всего обеспокоена состоянием своих дел. И мы не должны ее волновать, правда?

Тейлор кивнула:

— Разумеется.

К глазам подступили слезы, но усилием воли она сумела их сдержать. Бабушка расстроится, если заметит, что она плачет, да и слезами ничего не исправишь.

— Вы ведь помните о тех великих замыслах, что имеются у леди Эстер в отношении вас? Вы не передумали? Если бы она заподозрила, что вынуждает вас... — Томас не закончил фразу.

Тейлор с усилием улыбнулась:

— Я не передумала. Уж ты-то должен знать: я готова на все, лишь бы угодить бабушке. Перед смертью она хочет развязать все узелки, и раз я ее последний неразвязанный узелок, значит, просто обязана ей помочь. И от этого мне не уйти, Томас.

Из гостиной раздался хохот. Это буквально потрясло Тейлор. Обернувшись на шум, она уви-

дела праздно сидевших в дальнем углу холла, неподалеку от лестницы, двух одетых в черное мужчин с бокалами шампанского в руках и только сейчас поняла, что в доме полно народу.

— Что все эти люди здесь делают?

— Их пригласил ваш дядя, чтобы отпраздновать ожидаемое событие.

Тейлор его слова привели в ярость:

— У этого негодяя нет ни капли совести!

— Вы совершенно правы, миледи. Такое впечатление, что все хорошие качества унаследовал ваш батюшка — упокой Господь его душу! — в то время как Малкольм и его чадо...

Заметив, что Тейлор взялась за ручку двери гостиной, Томас замолчал на мгновение и сделал предостерегающий жест:

— Малкольм и Джейн там, миледи. Если они увидят вас, скандала не миновать. Я понимаю: вам хочется немедленно выставить всех вон, но на это нет времени: леди Эстер вас ждет.

Тейлор кивнула: конечно, он прав, встреча с бабушкой важнее, — вернулась к Томасу, и они поднялись по лестнице. Когда они оказались на площадке, девушка остановилась и неуверенно уточнила:

— Неужели ничего нельзя сделать? Ей ведь можно как-то помочь...

Томас покачал головой:

— Сердце леди Эстер износилось, и доктор Эллиот полагает, что теперь это только вопрос времени, о чем он и уведомил вашего дядю Малкольма. Поэтому все и собрались здесь сегодня. Когда ваша бабушка узнала об этом, устроила доктору такую взбучку, что, думаю, у него до сих пор звенит в ушах.

Тейлор улыбнулась, представив себе картину: бабушка отчитывает огромного толстого Эллиота, а тот

12 дрожит как осиновый лист.

— Она потрясающая, правда?

— Это уж точно! — с чувством подтвердил Томас. — Кого угодно может заставить дрожать от ужаса. Мне самому то и дело приходилось себе напоминать, что я ее не боюсь.

— Да у тебя никогда не было причин бояться ее, — усмехнулась Тейлор.

Лицо Томаса расплылось в улыбке.

— Вы же сами меня убедили, что не надо бояться. Это когда мадам бушевала, после того как вы притащили меня в дом.

Тейлор кивнула в ответ:

— Как всегда, умела разнести все в пух и прах, не повышая голоса.

— Да, именно так. Она ведь всегда и во всем остается настоящей леди, — с гордостью заметил Томас. — Эллиот дрожал так, будто на него кричали. Надо было видеть его лицо, когда она пригрозила, что не оставит ему денег на новую лабораторию.

Они шагали по длинному коридору, и Тейлор спросила:

— Доктор сейчас у мадам?

— Нет, всю ночь был у ее постели, а недавно уехал переодеться. Обещал скоро вернуться: примерно через час, — так что у нас достаточно времени. Те, кого пригласила леди Эстер, сейчас в гостиной, примыкающей к ее покоям. Она приказала мне проводить их наверх по задней лестнице, чтобы никто не увидел, так что сэр Малкольм ни сном ни духом, а когда узнает, будет уже поздно.

— Мадам не изменила свое решение?

— Ни в коем случае! Если позволите, дам вам один совет: не показывайте леди Эстер своих слез, она очень расстроится.

— Нет-нет, моих слез она не увидит, — пообещала Тейлор.

Покои леди Эстер находились в конце коридора, и Тейлор не медля, как только Томас открыл перед ней дверь, вошла в спальню.

Внутри было темно, как ночью, и несколько секунд ей понадобилось, чтобы сориентироваться в темноте.

Спальня была такая огромная, что Тейлор, как и прежде, подумала, что здесь уместилась бы добрая половина Гайд-парка. Значительную площадь занимала кровать с четырьмя колоннами. Напротив располагались три кресла и два небольших приставных столика перед занавешенными окнами. Тейлор всегда так любила эту комнату! Будучи ребенком, она обожала прыгать на этой кровати, кувыркаться на толстых персидских коврах и поднимала такой шум, что могла и мертвого разбудить, — так, по крайней мере, говорила бабушка.

В этой комнате разрешалось все. Когда была в настроении, бабушка позволяла Тейлор наряжаться в свои прелестные шелковые платья и атласные туфли. Девочка надевала шляпу с широкими полями, украшенную целыми кустами цветов и перьев, вешала на шею множество драгоценностей, натягивала белые перчатки, которые доходили ей как раз до плеч, и, раздевшись в пух и прах, подавала бабушке чай. Потом они вместе, как истинные леди, чинно пили чай, и Тейлор придумывала невероятные истории о приемах, на которых будто бы побывала. Бабушка серьезно кивала, подыгрывая внучке, никогда не смеялась и, усердно обмахиваясь расписным веером, в нужный момент шептала: «Ну и ну! Надо же!» Порой леди Эстер даже изображала возмущение по поводу скандалов, которые выдумывала Тейлор. В большинстве таких историй непременно фигурировала цыганка, а то и две, и фрейлины. Случалось, выдумывала возмутительные истории и сама мадам.

Тейлор трепетно хранила все чудесные воспоминания, связанные с этой комнатой, и боготворила ее хозяйку.

— Вы сюда добирались целую вечность, юная леди, так что готова принять ваши извинения за то, что заставили меня ждать, — прозвучал в покоях скрипучий голос бабушки.

Тейлор направилась к кровати, но чуть не упала, споткнувшись о скамеечку для ног.

— Прошу прощения, мадам.

— Ты зря теряешь время, Тейлор. Садись, нам надо многое обсудить.

— Но я не вижу стульев, мадам.

— Зажги одну свечу, Джанет, но не больше! — приказала леди Эстер горничной. — И уходи. Я хочу побыть наедине с внучкой.

Тейлор наконец рассмотрела стулья, села на тот, что стоял в центре, расправила складки платья и сложила руки на коленях. В темноте и на таком расстоянии она не могла почти ничего различить, но все равно сидела прямо, напряженная как струна. Бабушка не переносила распущенности, а поскольку обладала кошачьим зрением — или так по крайней мере казалось Тейлор, — расслабляться было нельзя.

Свеча на столе у бабушкиной кровати стала маячком в этой темноте. Тейлор скорее почувствовала, а не увидела, как мимо нее прошла горничная, и, дождавшись, когда шелкнет дверь, громко спросила:

— Почему здесь так темно, мадам? Разве вам не хочется увидеть солнце?

— Нет, я не в таком виде, чтобы выставлять лицо на яркий свет. Я умираю, Тейлор, я знаю это, но суетиться не буду: это недостойно леди, — однако и легко сдаваться не собираюсь. Пускай смерть поищет меня в темноте, и если судьба будет милостива ко мне, то не найдет до тех пор, пока я не завершу все свои земные дела. При свете смерть меня обнаружит быстрее, а это не входит в мои планы. Боюсь, ты даже не представляешь, что тебе предстоит.